

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1888.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

80. С. Георгіевскій. Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающій въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго народа. СПБ. 1888. 53 + 127 стр. 8^о. Ц. 2 р.

Настоящее сочиненіе является однимъ изъ тѣхъ, которыми авторъ старается подкрѣпить достовѣрность нарисованной имъ картины перваго періода китайской исторіи¹⁾ (до Циньши хуанъ ди). Въ своемъ «Корневомъ составѣ» онъ приходитъ къ выводу, что китайскій языкъ находится въ родствѣ съ языками арійскими, японскимъ, корейскимъ, маньчжурскимъ, монгольскимъ, турецко-татарскими, тибетскимъ, аннамскимъ, сіамскимъ и бирманскимъ. Въ данномъ же сочиненіи онъ старается при помощи анализа іероглифической письменности представить картину первобытной культуры китайскаго народа. Извѣстные уже результаты достигнуты въ изученіи первобытной культуры арійцевъ, но эти результаты достигнуты при помощи сравнительнаго изученія корневаго состава языковъ значительно изученныхъ и неоспоримо родственныхъ между собой. Для полученія этихъ результатовъ подвергались изученію цѣлыя группы языковъ, да и то конечные выводы ученыхъ, какъ извѣстно, не всегда одинаковы. Нашъ же авторъ изслѣдуетъ одинъ китайскій языкъ. Мало того, онъ даетъ намъ не корневой анализъ, не анализъ письменности въ связи съ корнями, наконецъ не анализъ чисто графическій, а анализъ такъ сказать комбинаціонный. Если и значеніе корней самыхъ обыденныхъ словъ въ корняхъ языковъ арійскихъ (до сравнительно полной изученности которыхъ китайскому языку болѣе чѣмъ

1) С. Георгіевскій. Первый періодъ китайской исторіи. Рец. пр. Позднѣева — Зап. В. О. И. Р. Арх. Общ. т. I, стр. 127—136.

очень далеко) бываетъ подчасъ загадочно, то что и говорить про смыслъ комбинаціи извѣстныхъ группъ въ китайскихъ іероглифахъ. Эти комбинаціи можно подчасъ толковать на разные лады. Какъ же теперь доказать, какую именно мысль хотѣли составители выразить извѣстной комбинаціей. Пояснимъ примѣромъ. На стр. 28 іероглифъ вай «не хорошо» (онъ состоитъ изъ двухъ частей: въ верху 不 бу—нѣтъ, и 好 хао хорошо, отсюда и прямое значеніе іероглифа «не хорошо») авторъ дѣлитъ вмѣсто двухъ частей на три (бу—нѣтъ, нюй—женщина и цзы—сынъ) и толкуетъ такъ: «не хорошо, когда отъ жены нѣтъ сына». Въ своемъ разборѣ сочиненія автора «Принципы жизни Китая»¹⁾ я уже указалъ, что незачѣмъ въ іероглифѣ хао подъ ньюй разумѣть жену, женщину, а надо принимать въ первоначальномъ значеніи дѣвушка, дочь (противоположность цзы сынъ). Да мало того, дѣля іероглифъ на три части, можно объяснять значеніе комбинаціи различно. Напр. не хорошо, когда ни сына, ни дочери; не хорошо, когда у парня нѣтъ дѣвушки; не хорошо, когда для дѣвушки нѣтъ парня²⁾ и т. д. Необходимость анализированія письменности въ связи съ изученіемъ корней пояснимъ примѣромъ: іероглифъ 事 ши значить дѣло, служить, отсюда 任 ши служака, чиновникъ, 侍 служить, состоять при комъ и т. д. Авторъ же «анализируетъ» эти іероглифы отдѣльно, поэтому напр. ши чиновникъ объясняетъ (стр. 5*)³⁾ десятскимъ (отчего же онъ 伯 бо не объясняетъ сотскимъ? см. стр. 7*). Мы бы могли привести много примѣровъ насчетъ того, что иное дѣло корни, а иное іероглифы, но считаемъ и этого достаточнымъ; развѣ отошлемъ еще къ стр. 51* № 60 (ср. стр. 46).

Затѣмъ, въ китайскихъ іероглифахъ мы видимъ, что одна и та же фонетическая группа даетъ съ различными ключами различное чтеніе, напр. чжань (похищать) съ ключемъ янь (навѣсъ) — дянъ (гостинница), съ ключемъ цзинь (платокъ) — тѣ (визитный билетъ), съ ключемъ ми (рисъ) — нянь (клеить) и т. д. Такіе примѣры очень часты. Необходимо, поэтому прежде всякаго анализа изслѣдовать этотъ вопросъ, одного ли корня или нѣтъ, конечно, въ связи съ другимъ фактомъ, что одна фонетическая группа нерѣдко произвольно употребляется одна вмѣсто другой. Авторъ же на это совсѣмъ не обращаетъ вниманія. Мало того, онъ дѣлаетъ такое допущеніе, на которое навѣрно бы не рѣшился даже человекъ, скептически относящійся къ рассказамъ китайцевъ о древнихъ почеркахъ и способахъ письма ихъ предковъ: онъ принимаетъ, что теперешній почеркъ «явился

1) Ж. М. Н. Пр. авг. 1888 г.

2) А инородцы могли объяснять: не хорошо, когда у сына нѣтъ дочери, такъ какъ у нихъ платили большой калымъ.

3) Звѣздочкою отмѣчены страницы приложенія.

ни чѣмъ инымъ, какъ только упрощеніемъ древнихъ почерковъ (и ранѣе постепенно упрощавшихся), произведеннымъ безъ измѣненія коренныхъ основъ и сложившагося характера іероглифической письменности». Это вопросъ, да еще какой вопросъ! Уже одно то, что, если принимать, подобно автору, глубокое отраженіе культуры въ письменности, то какъ же не принять а priori, что по мѣрѣ того, какъ существенно измѣнялась культура, существенно измѣнялась и письменность, что въ различномъ состояніи культуры народъ долженъ былъ выражать свою мысль различными комбинаціями, а для того и передѣлывать старыя.

Далѣе нужно замѣтить, что, анализируя комбинаціи для изученія первобытной культуры, авторъ долженъ былъ не принимать во вниманіе ключей, какъ прибавленныхъ послѣ; онъ же постоянно пользуется ими. Напр. (стр. 61*) іероглифъ куй «стыдъ» (нью «дѣвица» — ключъ † гуй «духъ усопшаго»), авторъ объясняетъ: «стыдно той дѣвицѣ, къ которой ходятъ души усопшихъ (привлекаемая любовію)». Положимъ, вѣрованіе такое у китайцевъ существуетъ теперь, но было ли оно въ древности? Затѣмъ это начертаніе древнѣйшее ли? Вѣдь іероглифъ куй «стыдъ» пишется обыкновенно съ ключемъ синь «сердце». На стр. 60* и 61* (№ 11 и № 15) авторъ приводитъ различныя названія духовъ, ихъ наводженій и болѣзней, чтобы доказать вѣру первобытныхъ китайцевъ въ духовъ усопшихъ; но на основаніи позднѣйшаго появленія ключей можно сдѣлать замѣчаніе, что не потому китайцы вѣрили *въ древности* въ духовъ, что эти іероглифы пишутся *теперь* съ ключемъ гуй (чертъ, по автору — духъ усопшаго), а оттого эти іероглифы стали писаться *впоследствии* съ этимъ ключемъ, что вѣрили въ демоновъ. Наконецъ авторъ въ своемъ «Корневомъ составѣ», отыскавши въ китайскомъ языкѣ корни арійскіе, японскіе, корейскіе, маньчжурскіе и т. д., совершенно упустилъ это изъ виду въ настоящемъ сочиненіи, и дѣлаетъ въ немъ выводы относительно всѣхъ словъ, какъ китайскихъ. А вдругъ они арійскіе, или корейскіе, или бирманскіе? Тогда и заключеніе относится къ тѣмъ же родамъ, а не къ китайцамъ.

Вотъ тѣ сомнѣнія, которыя являются прежде всего при чтеніи настоящаго сочиненія автора. Эти сомнѣнія въ связи съ произвольнымъ порядкомъ выводовъ автора (сначала было то-то, потомъ то-то, а почему то сначала, а это послѣ, неизвѣстно) невольно вызываютъ мысль, что на выводы автора значительно повліяли заранѣе составленныя представленія, которымъ онъ ищетъ подкрѣпленія въ анализѣ. На это какъ будто указываютъ такіе выводы и заключенія, которыхъ никакъ нельзя сдѣлать изъ указываемыхъ авторомъ іероглифовъ. Такихъ примѣровъ довольно много; укажемъ нѣкоторые. Стр. 58*, № 6: Цзянь «трупъ еще не попортившійся»

(дай зло ← цзянь граница) — «душа, оставившая тѣло, достигла только (западной) границы, но не ушла совсѣмъ на западъ (т. е. въ земли, лежащія за западной границею имперіи)». Западная граница потому, что гуй си (букв. вернуться на западъ) значитъ умереть. Но вѣдь *гуй си* несомнѣнно заимствовано отъ буддистовъ, у которыхъ блаженная земля будды Амитабъа находится на западѣ, а на западѣ она помѣщена очевидно подъ влияніемъ заката солнца на западѣ ¹⁾. Также странно объясненіе іероглифовъ цзѣ (стр. 58* № 8), ванъ (59* № 9). Не менѣе странно заключеніе о томъ, что предки китайцевъ заботились объ улучшеніи породы свиней, изъ іероглифа ха о 豪 «храбрый», гао — «высокій, превышающей», и ши «свинья» (ergo свинья образецъ храбрости?). Тутъ вмѣсто ши «свинья», нужно видѣть (какъ дѣлаетъ авторъ относительно цзя), 3 жень (человѣка). Или, какъ можно вывести, что дома обносились загородками (стр. 42), изъ того, что іероглифъ нэй «внутри, дома» (стр. 94* № 16) состоитъ изъ жу «входить» и цюнь «ограда», или что дымъ выпускался, за отсутствіемъ печей, въ двери (стр. 42) изъ начертанія іероглифа лу, печь, приведеннаго авторомъ на стр. 93* (№ 12) и состоящаго изъ хо «огонь» и ху «дверь», когда это начертаніе позднѣйшее, сокращенное и вмѣсто ху «дверь» слѣдуетъ употреблять лу «жилище». Такихъ примѣровъ мы могли бы привести еще много, но считаемъ и это достаточнымъ. Теперь же сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній по ряду странствъ сочиненія, отчасти съ цѣлью подкрѣпить сказанное выше. На стр. 7* авторъ пытается доказать, что «китайцы въ тѣ времена, когда выселялись на востокъ изъ центральной Азіи, имѣли бѣлый цвѣтъ кожи и не черные волосы», но ни одинъ изъ приведенныхъ примѣровъ не подтверждаетъ этого. Хуанъ «государь» составленъ не изъ бо (бѣлый) и ванъ (царь), а изъ цзы (самъ, самостоятельный, самодержавный) и ванъ (царь, см. Канъ-си-цзы-дянь). Бо (князь 3-ей степени) одного корня съ турецкимъ бекъ и вмѣсто бо (бѣлый) въ немъ нужно видѣть ²⁾ бай (сто), отсюда бо сотникъ (бай ху), старшій и т. д. Что касается до *ли минъ* (черный, черноволосый народъ), то подъ этимъ названіемъ (по пр. Васильеву) нужно разумѣть не инородцевъ, а самихъ китайцевъ, только вмѣсто *ли* черный, нужно скорѣе видѣть *ли* соха, откуда *ли минъ* пахари, земледѣльцы, какими и были по словамъ автора первобытные китайцы.

Что поражаетъ во всемъ сочиненіи автора, такъ это то, что онъ вездѣ видитъ инородцевъ, которыхъ китайцы все преслѣдуютъ, мучатъ, казнятъ,

1) «Закатилось солнце земли русской» объявилъ митрополитъ о смерти Александра Невского.

2) Съ ключами нерѣдко бо (бѣлый) и бай (сто) смѣшиваются и употребляются безразлично.

истребляютъ и т. д. Между тѣмъ никакихъ тутъ инородцевъ и не требуется, да и не могли ихъ предки китайцевъ истреблять и преслѣдовать такъ, какъ рассказываетъ авторъ. Начнемъ съ того, что писаніе именъ инородцевъ съ ключами: собака, птица, змѣя и червь можетъ указывать на обычай называть поколѣнія по именамъ животныхъ, а не доказываетъ стремленія умалить ихъ человѣческое достоинство. На стр. 14* (№ 13) авторъ толкуетъ цю «врагъ» (жень «человѣкъ» и цзю «девять») черезъ «всѣ люди, окружавшіе древнихъ китайцевъ, оказывались ихъ врагами». Самое объясненіе довольно натянуто, да въ добавокъ онъ видитъ тутъ инородцевъ. Также на стр. 18* въ іероглифахъ цзѣ (изрѣзать въ куски, обезопасить границы) и шуай (силокъ для птицъ, предводительствовать¹⁾), онъ опять подъ птицами разумѣетъ инородцевъ, какъ и въ вэй (множество, перемѣшанный) подъ ключемъ цюань «собака», хотя смыслъ еще лучше будетъ, если мы просто примемъ животныхъ. Также въ іероглифахъ фу (плѣнникъ, 49* № 56), цзинъ (колючій кустарникъ, 55* № 66) и т. д. въ объясненіяхъ автора непремѣнно фигурируютъ инородцы. А почему инородцы, неизвѣстно. Вообще поглощеніе этихъ инородцевъ, ихъ истребленіе китайцами авторъ описываетъ очень смутно, такъ что остается непонятнымъ, въ какихъ частяхъ Китая, когда и какъ они поглощены; не понятно, что онъ хочетъ сказать словами «въ послѣднемъ періодѣ древней исторіи китайцы, поглотившіе и растворившіе въ массѣ своей тѣхъ инородцевъ, которые не успѣли дотолѣ или не пожелали оставить предѣловъ Небесной имперіи, являются уже полными и единственными обладателями всего средняго и сѣвернаго Китая». И это онъ выводитъ изъ объясненія іероглифовъ нунъ (я), ю (я), чоу (товарищъ) и др. (см. стр. 20* № 16), въ которыхъ и тѣни намека на слияніе съ инородцами нѣтъ. На стр. 21 цѣлая тирада въ 14 строкъ объ измѣненіи царской власти выводится изъ страннаго объясненія (стр. 42* № 44) іероглифа хуанъ «праздный» (жень «человѣкъ» и хуанъ «государь»), что въ этомъ іероглифѣ «выражается намекъ на то, что у государей, налагавшихъ только санкцію, стало болѣе свободнаго времени, нежели у прежнихъ государей, фактически управлявшихъ народомъ». На стр. 16* іероглифъ 圻 ци (граница) авторъ объясняетъ: «границею называлось то мѣсто, которое нужно было защищать съ оружіемъ въ рукахъ». Но тогда и ци 祈 «просить съ оружіемъ въ рукахъ?» Не менѣе странно объясненіе іероглифовъ су (простонародный, стр. 16* и 53*), юй (императорскій, стр. 18*), жу (подобный, стр. 22*), яо (хотѣть стр. 25*) и др., которое мы здѣсь упускаемъ. Приведемъ только объясненіе іероглифа жо (соединенный, покорный, — состоитъ изъ соеди-

1) Въ значеніи предводительствовать шуай пишется и иначе 帥.

ненія 3 ю «еще»): «представляет руку надъ двумя руками, т. е. китаецъ-побѣдитель держитъ рукою (веревку, которою связаны) руки побѣжденнаго инородца; китайское толкованіе этого іероглифа слишкомъ натянуто и отвлеченно».

Примѣровъ страннаго объясненія, какъ я уже говорилъ выше, можно привести весьма много. Видно, что авторъ толковалъ съ предвзятою мыслию, иногда даже одинъ и тотъ же іероглифъ въ различныхъ мѣстахъ своего труда объясняетъ различно. Напр. для доказательства первоначальной минимальной численности китайской семьи: отецъ, мать и сынъ, онъ толкуетъ іероглифъ цзя 家 на стр. 21* (№ 17), какъ три человѣка подъ крышей, а на стр. 97* (№ 36) говоритъ: іероглифъ цзя (домъ, семейство) составленъ изъ мянь¹⁾ (крыша) и ши (свинья), — т. е. у каждаго китайскаго семейства были свиньи. Предвзятостью отличается толкованіе іероглифа цзай (стр. 27*), съ цѣлью доказать заботу о непрекращаемости жертвоприношеній: «іероглифъ цзай, выражающій понятіе «сынъ», составленъ изъ шань «гора» и сы «думать», — т. е. «думающій о горѣ, въ которой похоронены предки». Между тѣмъ этотъ іероглифъ значитъ собственно щенокъ, плодъ, а потомъ уже сынъ, дитя²⁾. Для показанія того, что начертаніе іероглифовъ можетъ бытъ объяснено проще, чѣмъ дѣлаетъ это авторъ, остановимся на объясненіи начертанія іероглифа и (наполнять, прибавлять), изъ котораго авторъ выводитъ, что при жилищахъ китайцевъ не вырывались колодцы (стр. 42 и 92* № 8): «На это, по нашему мнѣнію, намекаетъ іероглифъ и (= наполнять, прибавлять), составленный изъ цзинъ («колодець», — въ данномъ случаѣ подъ «колодцомъ» должна разумѣться вообще вырытая яма), тянь (небо) и шуй (вода), — т. е. въ древности колодцами назывались ямы, наполнявшіяся небесною (= дождевою) водою». Это толкованіе не объясняетъ намъ, почему іероглифъ значитъ «наполнять, прибавлять». Поэтому нужно эту комбинацію толковать такъ: когда въ колодець попадаетъ небесная (дождевая) вода, то онъ наполняется, вода въ немъ прибываетъ.

Если бы позволяли размѣры нашей статьи, мы бы привели не мало примѣровъ такого рода, но въ виду того, что рецензія вышла и такъ довольно велика, оставимъ примѣры и постараемся резюмировать свои выводы: китайскій языкъ и его письменность еще слишкомъ мало изучены для того, чтобы можно было при помощи строго-научнаго анализа послѣдней изучать первобытную культуру китайскаго народа; анализъ этотъ долженъ

1) Виѣсто іероглифовъ, какъ и выше, приводимъ ихъ чтеніе.

2) Какъ извѣстно по китайскимъ понятіямъ своихъ въ разговорѣ нужно какъ можно болѣе унижать, и самое вѣжливое выраженіе для понятія мой сынъ «собачій сынъ».

быть тѣсно связанъ съ изученіемъ корневаго состава китайскаго языка и быть сравнительнымъ; тотъ же анализъ, который даетъ намъ авторъ, по своей произвольности никакихъ, хоть сколько-нибудь положительныхъ, результатовъ дать не можетъ. Таково наше глубокое убѣжденіе.

А. И.

81. 3. Матусовскій. Географическое обозрѣніе китайской имперіи (съ картою на 4 л. и 5 приложеніями въ текстѣ). Спб. 1888. XX + 358 + 087 стр. 8^о.

Объ этомъ сочиненіи появилось уже нѣсколько рецензій, съ большою похвалою отозвавшихся объ немъ. Это вполне понятно. Оно явилось отвѣтомъ на давно чувствовавшуюся въ Россіи потребность имѣть сколько-нибудь полное описаніе китайской имперіи и ея владѣній, и въ достаточной мѣрѣ удовлетворило эту потребность. Это сочиненіе сравнительно такъ полно и отдѣлано съ такою тщательностью, что его смѣло можно рекомендовать не только интересующейся Китаемъ части публики и имѣющимъ дѣло съ Китаемъ неспециалистамъ, но прямо можно дать въ руководство студентамъ восточнаго факультета. Конечно, специалистъ могъ бы сдѣлать такое описаніе гораздо болѣе полнымъ, но вѣдь не въ полнотѣ сила: нужно, чтобы было достаточно ясно и вѣрно изложено самое существенное. Этому вполне соответствуетъ сочиненіе г. Матусовскаго. Онъ даже расширилъ рамки своего труда, въ виду малаго знакомства съ Китаемъ даже наиболѣе близко стоящей къ нему части нашей публики, и далъ нѣсколько (5) приложеній. Затѣмъ онъ для болѣе тщательной отдѣлки своего труда обратился къ содѣйствію различныхъ специалистов¹⁾, указалъ литературу предмета, не только приложилъ къ своему труду подробную карту Китая и его вассальныхъ владѣній, но даже помѣстилъ при этой картѣ планы различныхъ китайскихъ городовъ (Тяньцзинь, Пекинъ, Тунъ-чжоу, Кантонъ²⁾, его окрестности, Шанхай и Калганъ) и наконецъ ввелъ въ текстъ китайскіе іероглифы. Касательно карты нужно замѣтить, что желаніе автора нанести на нее какъ можно болѣе названій при не особенно большомъ масштабѣ сдѣлало ее довольно таки нестрой въ ущербъ четкости. Нельзя также не замѣтить невыдержанности транскрипціи, напр. *шенъ* 省 провинція вездѣ пишется *шенъ*, между тѣмъ Шэнъ сянь, Шэнь цзэ, Шэнь чжоу, Шэнь чи. Можно,

1) См. предисловіе IX—X.

2) На планѣ онъ названъ по ошибкѣ Гуань чжоу фу вмѣсто Гуань чжоу фу.